This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1PS2 G

Permanent, Not
Freedom by
realizing

RUS
PER

HARVARD
LAW
LIBRARY

A7
Pergament, M. IA.
Predely nasliedovaniia

Bd. May 1935

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAY 6 1935

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТЪ.

28

„ПРЕДѢЛЫ НАСЛѢДОВАНІЯ“

ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРАВѢ.

Изъ Журнала «Вѣстникъ Права»
(Кн. III 1906 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1906.

1338
30
Printed in Soviet Union.

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТЪ.

„ПРЕДѢЛЫ НАСЛѢДОВАНІЯ“ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРАВѢ.

Изъ Журнала «Вѣстникъ Права»
(Кн. III 1906 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1906.

MAY 6 1935

„ПРЕДѢЛЫ НАСЛѢДОВАНІЯ“ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРАВѢ [1]).

Выступая впервые сегодня въ нашемъ университетѣ, я обращаюсь къ Вамъ, мм. гг., не безъ нѣкотораго естественнаго волненія. Это волненіе особенно сильно при мысли, что съ этой же каѳедры гражданскаго права раздавались голоса крупнѣйшихъ ученыхъ, людей съ историческимъ именемъ и огромными заслугами въ наукѣ. Достаточно вспомнить Константина Неволина, нашего маститаго и знаменитѣйшаго работника на поприщѣ русскаго гражданскаго права въ его прошломъ, и, затѣмъ, Дмитрія Ивановича Мейера, этого, по выраженію историка Петербургскаго университета, „перваго въ Россіи цивилиста въ истинномъ смыслѣ и одного изъ самыхъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только видали на каѳедрахъ своихъ русскіе университеты“ [2]),—далѣе, Константина Дмитріевича Кавелина, рѣдкаго русскаго юриста по оригинальности и ясности своей мысли, необыкновенно цѣннаго по реальности выводовъ и жизненному пониманію юридическихъ явленій. Назову еще лишь моего непосредственнаго предшественника, незабвеннаго Николая Львовича Дювернуа, юриста, одинаково выдававшагося какъ яркостью своихъ блестящихъ дарованій, такъ и разносторонностью своего европейскаго образованія. Онъ въ равной мѣрѣ съ неоспоримымъ

---

[1]) Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 22 сентября 1906 года.

[2]) Григорьевъ, Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, стр. 157.

успѣхомъ подвизался въ области и римскаго и гражданскаго права. Восторженный почитатель классическихъ юристовъ древняго Рима и долголѣтній ученикъ корифеевъ германской романистики, Вангерова и Іеринга, Николай Львовичъ примѣнялъ излюбленные имъ методы къ разработкѣ гражданскаго и, спеціально, русскаго гражданскаго права. Въ своихъ „Чтеніяхъ", въ своемъ „Пособіи къ лекціямъ" онъ оставилъ намъ широко задуманный трудъ, къ несчастію, далеко не оконченный. Но и въ этомъ своемъ видѣ трудъ заключаетъ рядъ мастерскихъ очерковъ по гражданскому праву и въ особенности по его обработкѣ и литературѣ. И въ этомъ видѣ онъ способенъ служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, съ какой заботливостью, съ какимъ увлеченіемъ покойный относился къ преподаванію своего предмета, сколько онъ въ него вкладывалъ души и таланта. Въ завѣщанномъ намъ Николаемъ Львовичемъ чувствѣ любви къ родной наукѣ русскій цивилистъ, несомнѣнно, еще долго способенъ черпать настроеніе и силу. Въ частности и наши, гг., будущія бесѣды любовь эта, надѣюсь, немало согрѣетъ и одушевитъ, какъ и въ настоящую минуту она же бодритъ меня при обращеніи къ той темѣ, которую я намѣренъ сегодня предложить Вашему вниманію.

Къ числу самыхъ спорныхъ вопросовъ, самыхъ трудныхъ проблемъ гражданскаго права принадлежитъ вопросъ о наслѣдованіи. Ему удѣляли вниманіе, имъ занимались подолгу и настойчиво не только цивилисты и вообще юристы, но и соціологи и экономисты, моралисты и философы. Всѣ они нормамъ о наслѣдованіи придавали необыкновенное значеніе. Въ этихъ нормахъ усматривался настоящій показатель, точный, будто бы, термометръ цивилизаціи, степени культуры данной эпохи. Къ такому убѣжденію приводило наблюденіе тѣсной связи между правомъ наслѣдованія, съ одной, и строемъ рода, семьи и даже государства, съ другой стороны. Притомъ связь эта всегда признавалась взаимной: семья—это безъ дальнѣйшаго ясно—опредѣляла систему наслѣдованія,

но и, обратно, тотъ или другой порядокъ наслѣдованія далеко не оставался безъ вліянія на самое семью и на государство. Въ періодъ первой французской революціи законодательство открыто стремится къ реформѣ семейнаго и общественнаго строя, между прочимъ, и путемъ перемѣнъ въ области наслѣдственнаго права: въ мотивахъ, рѣчахъ, преніяхъ,—словомъ, во всякаго рода законодательныхъ матеріалахъ того времени эти перемѣны обосновываются и отстаиваются, какъ могучее орудіе въ борьбѣ за торжество новаго міра, за идею демократіи, за принципъ равенства дѣтей. Точно также завоеватели не разъ на пространствѣ исторіи обращались къ наслѣдственному праву, ища въ немъ поддержки своимъ честолюбивымъ замысламъ. Такъ оно было уже въ древнѣйшей Индіи, о чемъ говорятъ законы Ману; такъ оно случилось и въ Англіи два столѣтія тому назадъ, когда парламентъ, съ цѣлью разложенія католической семьи въ Ирландіи, издалъ свой актъ о наслѣдованіи, коимъ установлялся обязательный раздѣлъ между сыновьями „паписта", т. е. католика; не иначе на дѣло смотрѣлъ и Наполеонъ I, когда въ извѣстномъ, часто приводимомъ письмѣ къ своему брату Іосифу, тогдашнему Неаполитанскому королю, замѣчаетъ: „Введите у себя въ Неаполѣ Code civil: тогда будетъ скоро разрушено все то, что не захочетъ идти съ Вами, и, наоборотъ, укрѣпится все, что Вамъ угодно будетъ охранить". И съ рѣдкой откровенностью Бонапартъ прибавляетъ: „Вотъ почему я проповѣдывалъ гражданскій кодексъ, вотъ что меня побудило ввести его...."

Въ виду несомнѣнной важности предмета, я считаю себя вправѣ ему посвятить мою первую лекцію въ Вашей средѣ. Предъ нами коренной вопросъ гражданскаго права. Къ искреннему только сожалѣнію моему, крайняя скудость времени, находящагося въ моемъ распоряженіи, вынуждаетъ меня ограничиться разсмотрѣніемъ не всего вопроса, а лишь небольшой его части, части, впрочемъ, существенной по своему значенію. Я хотѣлъ бы побесѣдовать, хотя въ общихъ чертахъ, о такъ наз. границахъ или предѣлахъ наслѣдованія,—точнѣе, наслѣдованія по закону. Я сейчасъ сказалъ: „о *такъ*

наз. границахъ" и сказалъ это не безъ намѣренія. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Въ отсутствіе завѣщанія или наслѣдственнаго договора, гдѣ таковой допускается, законодатель призываетъ къ наслѣдованію родственниковъ, кровныхъ родственниковъ покойнаго [1]). Спрашивается: долженъ ли тутъ законодатель принимать въ соображеніе всякаго родича, разъ онъ ближайшій, или, быть можетъ, нѣтъ, онъ этого не долженъ, и ему, напротивъ того, слѣдуетъ провести нѣкоторую черту, *за* которую призывъ къ наслѣдованію не простирается? Другими словами: должны ли, или не должны существовать такіе сравнительно дальніе родственники, которые не призываются наслѣдовать, несмотря на свое неоспоримое качество кровныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшихъ, въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, родичей? Или еще иначе и говоря совершенно конкретно: пусть ближайшій родственникъ покойнаго—троюродный братъ. Признавать ли его наслѣдникомъ? или не признавать? Но—быть можетъ, скажете Вы—если не признавать, тогда что̀ же дѣлать съ наслѣдствомъ? То же само́е—отвѣчу я—или приблизительно то же, что уже и теперь дѣлается при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было кровныхъ родственниковъ, когда наслѣдство объявляется выморочнымъ. Его тогда отдаютъ, необходимо отдать государству, городу, общинѣ, какому-нибудь учрежденію или фонду, преслѣдующему цѣли соціальныя, просвѣтительныя, филантропическія,—однимъ словомъ, въ томъ или другомъ видѣ необходимо отдать обществу, странѣ, народу. Однако, передача эта мнѣ представляется происходящею всегда согласно началамъ наслѣдованія: оставшееся послѣ смерти имущество будетъ и къ обществу переходить въ качествѣ именно наслѣдства, во всей своей совокупности, съ преемствомъ не только, положимъ, въ правѣ собственности и прочихъ вещныхъ правахъ, но и въ правахъ требованія, и съ отвѣтственностью—въ разумныхъ предѣлахъ—по обязательствамъ покойника,—короче, съ обычнымъ при наслѣдованіи сохраненіемъ правоотношеній, съ замѣною всего только, какъ

---

[1]) Переживший супругъ мною при этомъ оставляется въ сторонѣ.

принято выражаться, одного правового субъекта, наслѣдодателя, другимъ, наслѣдникомъ. Но нетрудно видѣть, что при такихъ условіяхъ нѣтъ достаточнаго основанія говорить о предѣлахъ наслѣдованія тамъ, гдѣ какому-нибудь родственнику отказано въ призывѣ къ наслѣдованію, гдѣ ему предпочтена, допустимъ, община. Наслѣдованіе частноправное же наслѣдованіе и здѣсь безусловно налицо; его не въ состояніи устранить то обстоятельство, что наслѣдникомъ выступаетъ не физическое и даже не юридическое лицо гражданскаго права, а публично-правовая единица, своего рода коллективность. Вотъ отчего, повторяю, я выразился: „*такъ наз.* предѣлы наслѣдованія". Настоящихъ предѣловъ или границъ *наслѣдованія*, настаиваю, и здѣсь нѣтъ. Вопреки тому, что постоянно утверждается, здѣсь не болѣе какъ границы наслѣдованія *по крови*, наслѣдованія тѣхъ, кого мы зовемъ родственниками.

Намѣченный, такимъ образомъ, вопросъ находится въ близкой связи съ болѣе широкой и едва ли не важнѣйшей проблемой всего наслѣдственнаго права—съ вопросомъ объ *основаніи* наслѣдованія вообще. Подъ основаніемъ, терминомъ, употребляемымъ въ многообразныхъ значеніяхъ, я разумѣю основаніе въ юридико-философскомъ смыслѣ, въ смыслѣ *оправданія* наслѣдственнаго права, выясненія его raison d'être, обнаруженія его „идейности". Итакъ, можетъ ли быть обосновано и оправдано наслѣдственное право? или точнѣе: заслуживаетъ ли защиты современная организація наслѣдованія въ ея основѣ, та организація, которою расширяется и укрѣпляется нынѣшняя система *частнаго* обладанія имуществами? [1])

Вотъ вопросъ, отвѣтъ на который далеко не всѣми дается одинаковый и не всегда оказывается утвердительный. Современное наслѣдственное право неразъ называли „наслѣдственнымъ зломъ" [2]), и еще недавно одинъ изъ видныхъ

---

[1]) Ср. Нечаева, „Право наслѣдственное", въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгаузъ-Ефрона (XXIV-а стр. 899).

[2]) См., напримѣръ, Rülf, Das Erbrecht als Erbübel, 2 изд. 1896 г.

европейскихъ ученыхъ и сильныхъ мыслителей, Антонъ Менгеръ, характеризовалъ право наслѣдованія, какъ аристократическое установленіе; которое грѣшитъ противъ трудового начала, усиливаетъ имущественное неравенство и увеличиваетъ число обездоленныхъ. Изъ той же категоріи воззрѣній особенно памятно ученіе сенъ-симонистовъ, послѣдователей Сенъ-Симона, проповѣдывавшихъ полную отмѣну наслѣдованія частныхъ лицъ, при удержаніи въ то же время въ неприкосновенности частной собственности. „Каждому по его способности и каждой способности по ея дѣламъ, да не будетъ больше права наслѣдованія“, такова, какъ извѣстно, громкая формула сенъ-симонизма.

Долженъ тутъ же указать, что я этого взгляда не раздѣляю и что, наоборотъ, мысль объ упраздненіи нашего наслѣдственноправового строя я считаю ошибочной, самое же упраздненіе признавалъ бы неосуществимымъ и во всякомъ случаѣ вреднымъ, если бы, паче чаянія, его удалось провести гдѣ-либо временно. Вмѣстѣ съ большинствомъ представителей экономической науки, я полагаю, что право наслѣдованія является могучимъ рычагомъ производства, важнымъ источникомъ національнаго благосостоянія и культуры. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно право наслѣдованія служитъ энергичнѣйшимъ стимуломъ къ предпріимчивости, труду и бережливости. Кто не увѣренъ въ томъ, что послѣ его смерти имущество его получитъ назначеніе, согласное съ его распоряженіями, съ его волей и чувствами, тотъ, естественно, ограничиваетъ свою дѣятельность и сравнительно рано вступаетъ въ фазисъ только потребленія. Развѣ бы дѣло шло о людяхъ, которые проникнуты выдающимся альтруизмомъ и въ такой степени радѣютъ объ общей пользѣ, что по мѣрѣ силъ готовы работать и сберегать до гробовой доски, съ единственной цѣлью умереть въ сознаніи принесенной обществу пользы, исполненнаго предъ нимъ долга! Я глубоко убѣжденъ, что если бы подобный альтруизмъ оказался когда-либо присущимъ не отдѣльнымъ исключительнымъ личностямъ, а широкимъ массамъ, человѣчеству въ его цѣломъ, то наше право наслѣдованія, дѣйствительно, утра-

тило бы свой смыслъ, подлежало бы упраздненію. Но такое время, если ему и суждено наступить, конечно, еще весьма далеко. Игнорированіе именно этого обстоятельства, непониманіе психологіи современнаго человѣка и составляетъ основную ошибку сейчасъ упоминавшагося ученія сенъ-симонистовъ. Необходимо оставаться на реальной почвѣ. Пусть оно прискорбно, но главный двигатель въ жизни человѣка— это все еще интересъ. Устраните наслѣдованіе, оторвавъ его отъ права собственности, и этотъ интересъ съузится, онъ станетъ чисто личнымъ, обратится въ грубый эгоизмъ. Вы уничтожите въ человѣкѣ и тѣ альтруистическія побужденія, на которыя онъ пока-что только и способенъ, которыя среднему человѣку свойственны уже и въ переживаемую эпоху. Напротивъ того, при наличности наслѣдованія, нами руководитъ, правда, тоже интересъ, но этотъ интересъ здѣсь шире, выше. Мы тутъ работаемъ не только для себя, но и для людей намъ близкихъ, для дѣла намъ дорогого. Такимъ образомъ, максимумъ своей пользы, лучшую свою пользу собственность, право собственности приноситъ только въ связи съ правомъ наслѣдованія. И въ этомъ смыслѣ справедливо сказать, что наслѣдственное право—естественное дополненіе права собственности, что, подобно послѣднему, и оно „коренится въ глубочайшихъ свойствахъ человѣческаго духа“, что здѣсь заключается объясненіе и оправданіе наслѣдованія, какъ „всемірно-историческаго явленія“ [1]).

Однако, юристы и философы, въ большинствѣ случаевъ, выставляли теоріи иного рода, съ цѣлью обосновать то же право наслѣдованія. Эти теоріи очень разнообразны и подчасъ явно несостоятельны, то погрѣшая мистицизмомъ, то прямо извращая историческіе факты, то, наконецъ, скрывая въ себѣ недоразумѣніе насчетъ самаго thema probandi, и т. п. Изъ всѣхъ этихъ попытокъ оправдать наслѣдственное право я коснусь лишь двухъ, болѣе удовлетворительныхъ. Юридическая мысль, по моему убѣжденію, и по настоящій день едва ли пошла дальше этихъ попытокъ, стремясь, главнымъ

---

[1]) Ср. Чичерина, Собственность и государство I, стр. 225.

образомъ, только связать одну съ другой, примирить ихъ между собой, отмежевать каждой изъ нихъ опредѣленную область. Я имѣю ввиду, съ одной стороны, начала, выработанныя Гегелевской философіей—заложенныя самимъ Гегелемъ и впослѣдствіи развитыя и смягченныя Шталемъ, а, съ другой, идеи школы естественнаго права 17-аго и 18-аго вѣковъ, отразившіяся на крупныхъ кодификаціяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя и понынѣ еще дѣйствуютъ въ своемъ почти первоначальномъ видѣ, — на прусскомъ земскомъ правѣ, французскомъ гражданскомъ кодексѣ, на австрійскомъ гражданскомъ уложеніи и косвенно, вѣроятно, и на нашемъ томѣ X.

Уже Гуго Гроцій, названный, пусть даже не совсѣмъ точно, „отцомъ естественнаго права", даетъ намъ обстоятельное разсужденіе на тему объ основахъ права наслѣдованія. Толкуя въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „О правѣ войны и мира", во второй его книгѣ, объ alienatio, т. е. отчужденіи, о правѣ отчуждать собственность, Гроцій замѣчаетъ, что это право обнимаетъ также право *завѣщать*. Дѣло въ томъ, развиваетъ онъ свою мысль, что возможно отчуждать свою вещь не только просто, безусловно, но и подъ условіемъ, и не только безвозвратно, но и съ правомъ отмѣны своего распоряженія, и даже такъ, что у лица отчуждающаго пока сохраняется владѣніе и полное пользованіе отчуждаемымъ имуществомъ. Но подобное отчужденіе на случай смерти, съ удержаніемъ для себя владѣнія и пользованія, а равно съ правомочіемъ отмѣнить свое распоряженіе и распорядиться тѣмъ же имуществомъ наново,—такое отчужденіе и есть завѣщаніе. Отсюда—разъ iure naturali допущены собственность и ея отчужденіе—вытекаетъ естественность и завѣщанія, и его происхожденіе изъ естественнаго права. Обращаясь, затѣмъ, къ наслѣдованію по закону, Гроцій и ему присваиваетъ естественноправовую природу. Когда, аргументируетъ онъ, человѣкъ умираетъ безъ завѣщанія, нѣтъ никакихъ данныхъ думать, будто онъ желалъ предоставить свое имущество первому встрѣчному, primo occupanti. Наоборотъ, это имущество, очевидно, должно быть отдано тому лицу, о

комъ съ наибольшей вѣроятностью можно сказать, что именно ему покойникъ и хотѣлъ имущество оставить. Такъ напримѣръ, и помимо какого бы то ни было положительнаго гражданскаго закона, ясно, что послѣ родителей должны наслѣдовать ихъ дѣти, предпочтительно предъ всѣми остальными. Ибо есть полное основаніе полагать, что отецъ и мать, которые на своихъ дѣтей смотрятъ, какъ на части собственнаго „я", желали надѣлить и обезпечить возможно шире именно ихъ. За отсутствіемъ же дѣтей, наслѣдство надлежитъ присудить тому, который, опять-таки предположительно, былъ покойнику всего дороже (carissimus), а таковымъ, по Гроцію, слѣдуетъ всякій разъ считать ближайшаго родственника. Вообще, заключаетъ философъ, наслѣдованіе по закону — это не болѣе какъ молчаливое завѣщаніе, основанное на справедливыхъ предположеніяхъ о волѣ покойнаго.

На совершенно иной почвѣ стоитъ представитель абсолютнаго идеализма—Гегель. Уже то мѣсто, которое онъ отводитъ изложенію наслѣдованія въ своей „Философіи права", въ высокой степени характерно. Разсматривая въ заключительной части своего труда рядъ общественныхъ союзовъ, въ которыхъ воплощается объективная нравственность, и въ томъ числѣ прежде всего *семью*, Гегель трактуетъ здѣсь и о наслѣдственномъ правѣ: ученіе о немъ входитъ въ ученіе о семейной собственности и о распаденіи семьи. Семейство, говоритъ Гегель, нуждается, какъ общее и продолжающееся лицо, въ постоянномъ и прочномъ имуществѣ. Это имущество, эта семейная собственность—собственность общая, такъ что ни одинъ членъ семьи отдѣльной собственностью обладать не въ состояніи: каждому принадлежитъ лишь доля въ общемъ имуществѣ. Въ этомъ отношеніи даже отецъ семейства мало чѣмъ отличается отъ всѣхъ прочихъ: индивидуальная собственность и по его адресу отрицается: кромѣ того же участія въ семейной массѣ, за нимъ признается еще только управленіе и распоряженіе общимъ имуществомъ. Но вотъ наступаетъ естественное распаденіе семьи, въ силу смерти родителей и особенно отца, мужа. Этотъ распадъ,

въ отношеніе имущества, влечетъ за собою наслѣдованіе. По своему существу, такимъ образомъ, наслѣдованіе не иное что, какъ вступленіе въ самостоятельное обладаніе семейнымъ, общимъ до того времени, имуществомъ. Правда, не безъ скорби добавляетъ Гегель, по мѣрѣ того какъ родство становится все болѣе далекимъ, какъ все болѣе, съ каждымъ новымъ бракомъ, прекращающимъ прежнія семейныя отношенія и создающимъ новыя, утрачивается сознаніе былого единства,—по мѣрѣ этого все слабѣетъ и тускнѣетъ также и указанный характеръ наслѣдованія. А параллельно съ этимъ явленіемъ выдвигается и крѣпнетъ индивидуально-личное усмотрѣніе. Послѣднее проявляется, между прочимъ, въ томъ, что на кругъ своихъ друзей и знакомыхъ человѣкъ привыкаетъ смотрѣть, какъ на свою семью, и, соотвѣтственно, призываетъ этихъ друзей и знакомыхъ къ наслѣдованію. Такъ получается завѣщаніе. Но, продолжаетъ Гегель, и образованіе подобнаго круга людей и, въ особенности, завѣщаніе заключаютъ въ себѣ столько случайнаго, столько произвола, корысти и т. п., что нравственное начало здѣсь серьезно страдаетъ. Необходимо, кромѣ того, помнить, что если завѣщательному распоряженію присваивается сила, то это объясняется еще и тѣми чувствами любви и уваженія, которыя семья питаетъ къ волѣ своего покойнаго сочлена. Но, взятая сама по себѣ, эта воля не можетъ быть возведена въ основаніе завѣщательнаго права.

На той же точкѣ зрѣнія, очевидно, стоитъ въ общемъ и Шталь, когда утверждаетъ, что наслѣдованіе — это продуктъ связей семейныхъ и особенно связей родительскихъ, а наслѣдство — лишь выраженіе этихъ связей; что безъ наслѣдованія по закону не могло бы быть и наслѣдованія по завѣщанію, такъ какъ завѣщаніе только служитъ либо ближайшимъ опредѣленіемъ, либо суррогатомъ наслѣдованія законнаго. А потому и природу завѣщанія слѣдуетъ видѣть не въ свободномъ распоряженіи собственностью, а въ подражаніи семьѣ, въ расширеніи естественныхъ узъ, подобно тому, какъ это наблюдается при усыновленіи.

Сейчасъ изложенныя ученія—естественноправовое и Геге-

левское—не только существенно отличны одно отъ другого. Легко убѣдиться, что они другъ другу прямо, діаметрально, можно сказать, противоположны. Въ самомъ дѣлѣ: здѣсь, у Гегеля, основаніемъ наслѣдственнаго права является семья и кровное родство, тамъ, у Гроція, воля—явная или подразумѣваемая—наслѣдодателя;—тамъ во главу угла ставится наслѣдованіе завѣщательное, оно—наслѣдованіе и главнѣйшее и нормальное; здѣсь, наоборотъ, первое и естественное мѣсто отводится наслѣдованію по закону, завѣщаніе же въ лучшемъ случаѣ только терпится, какъ неизбѣжное зло;—тамъ наслѣдованіе по закону требуетъ дополнительнаго объясненія и находитъ его въ той искусственной презумпціи, въ той фикціи, что законные наслѣдники вмѣстѣ съ тѣмъ—друзья, кровные друзья, на которыхъ покойный остановилъ свой любвеобильный взоръ; здѣсь затрудненіе создается наслѣдованіемъ по завѣщанію, изъ каковаго затрудненія пытаются выйти при помощи опять-таки искусственнаго соображенія, будто путемъ завѣщанія расширяется естественная семья,—словомъ, тамъ кровные родственники, чтобы спасти свое качество наслѣдниковъ, обязательно превращаются въ друзей; здѣсь друзьямъ и знакомцамъ удается уцѣлѣть въ завѣщаніи только цѣною обращенія въ людей близкихъ непремѣнно по крови.

Таковы эти воззрѣнія, таково ихъ отношеніе другъ къ другу. Въ дальнѣйшее ихъ разсмотрѣніе я, впрочемъ, входить не стану. Какъ ни поучителенъ въ данномъ случаѣ критическій разборъ и, между прочимъ, какъ ни способенъ онъ, по моему мнѣнію, развѣнчать въ значительнѣйшей ея части теорію Гегеля, въ настоящее время едва ли не господствующую въ германской, а вслѣдъ за нею и въ русской юридической литературѣ,—но все же я долженъ отказаться отъ искушенія произвести анализъ и сравнительную оцѣнку нашихъ двухъ ученій. Не имѣю къ тому ни возможности, ни необходимости. Съ одной стороны, мнѣ этого не позволяютъ размѣры моей лекціи, а, съ другой, это не вызывается тою цѣлью, въ тѣсномъ единеніи съ которой я обратилъ Ваше вниманіе на предложенныя попытки обосновать наслѣдованіе. Пусть вообще предпочтеніе одного обоснованія другому чре-

вато послѣдствіями—напомню хотя бы объ обширной области такъ наз. необходимаго наслѣдованія—, но въ примѣненіи къ главному предмету и конечной цѣли моего сегодняшняго разсужденія, къ вопросу о границахъ наслѣдованія, различіе теорій Гроція и Гегеля не сказывается. Въ занимающемъ насъ вопросѣ обѣ теоріи приводятъ къ одному и тому же, правильному и желательному, результату, находясь въ рѣдкомъ согласіи какъ между собою, такъ и съ тѣмъ обоснованіемъ наслѣдственнаго права, которое мною было развито на первомъ мѣстѣ.

Что касается, прежде всего, естественноправовой школы, то совершенно ясно, что съ ея точки зрѣнія справедливо допускать къ наслѣдованію по закону лишь ближайшихъ кровныхъ родственниковъ. Не касаясь пережившаго супруга (этого, конечно, и не родственника), выдѣляя, затѣмъ, родичей по прямой линіи, права коихъ на наслѣдованіе болѣе или менѣе твердо установлены, почти не оспариваются и, во всякомъ случаѣ, мною здѣсь не станутъ подвергаться обсужденію,— за выдѣленіемъ, говорю, нисходящихъ и восходящихъ, можно допустить наслѣдовать только самое незначительное число родичей, въ лицѣ самыхъ близкихъ *боковыхъ* родственниковъ. И понятно, почему такъ. Если наслѣдованіе по закону основано на предположительной волѣ наслѣдодателя, то очевидно, что у пятиюродныхъ, напримѣръ, братьевъ, сестеръ, племянниковъ, тетокъ и т. п. нѣтъ никакого права на это наслѣдованіе: о нихъ, которыхъ покойный, быть можетъ, не зналъ даже по имени, которые, въ свою очередь, его не знали, о немъ не заботились и не безпокоились,—объ этихъ лицахъ онъ, наслѣдодатель, безспорно, не думалъ. А становясь на почву защищаемаго мною оправданія наслѣдованія въ настоящемъ, резонно прибавить: и, несомнѣнно, не мыслью объ этихъ родичахъ, объ ихъ будущей жизни и лучшемъ ея устроеніи покойный воодушевлялся на работу, побуждался къ сбереженіямъ и, кто знаетъ, лишеніямъ. Но точно также и ученіе, кладущее въ основу семью, и оно не говоритъ въ пользу болѣе далекихъ родственниковъ, какъ законныхъ наслѣдниковъ. Уже Гегель, какъ мы видѣли, отмѣтилъ ослабленіе

семейной общности и ея сознанія по мѣрѣ отдаленія степеней родства. Значительно дальше пошли его современные послѣдователи: они настойчиво подчеркиваютъ этотъ моментъ ослабленія и дѣлаютъ тотъ выводъ, что, гдѣ семейной общности и вовсе нѣтъ, гдѣ сознаніе ея погасло, тамъ не можетъ быть мѣста и наслѣдованію по закону. Но въ настоящее время кругъ семьи сильно съуженъ. Если вдуматься въ условія нашего вѣка, если принять въ разсчетъ все растущую даже среди родичей дифференціацію въ дѣлѣ образованія, взглядовъ, интересовъ, требованій, соціальнаго положенія и т. д. и т. д., то должно признать, что прежней широкой семьи болѣе не существуетъ. О ней, какъ о многомъ другомъ, что унесено потокомъ времени, можно сожалѣть, но съ фактомъ остается считаться. А фактъ такой: семья и семейная общность— реальность, а не миѳъ лишь въ ближайшихъ двухъ, много, трехъ степеняхъ родства. Въ наши дни тѣсная родственная и нравственная связь отсутствуетъ, по общему правилу, уже между двоюродными братьями и сестрами: ихъ часто очень много, нерѣдко они другъ другу совершенно чужіе люди. Уже здѣсь, слѣдовательно, не говоря о дальнѣйшихъ степеняхъ родства, на мой взглядъ, не можетъ быть наслѣдованія по закону. Въ общемъ для него нельзя бы найти оправданіе; въ особыхъ же, исключительныхъ, случаяхъ, когда требуемая связь оказывается налицо и между данными родичами, спасительный коррективъ можетъ быть всегда найденъ въ завѣщаніи.

Въ пользу того же ограниченія законнаго наслѣдованія говоритъ еще то обстоятельство, что, вмѣстѣ съ утратою прежняго семейнаго единства и чувства, утратились, соотвѣтственно, и семейныя обязанности. А безъ обязанностей нѣтъ или не должно быть и правъ, въ томъ числѣ правъ наслѣдованія. Нѣкогда семья несла обязанности защиты и опеки, матеріальнаго поддержанія и воспитанія своихъ, даже отдаленнѣйшихъ, членовъ. Нынѣ съ семьей эти обязанности раздѣляютъ государство и община, порою въ данномъ отношеніи совсѣмъ вытѣснившія и замѣнившія семью. Семейная организація не играетъ болѣе своей давнишней роли первостепеннаго фактора общественной жизни. Она уступила ее

другимъ общественноправовымъ организаціямъ и элементамъ, связь съ которыми у насъ становится все болѣе близкая, все болѣе живая и отрадная. При такихъ условіяхъ только послѣдовательно и справедливо, чтобы къ этимъ элементамъ перешли и нѣкоторыя правомочія старинной семьи, между прочимъ, въ дѣлѣ наслѣдованія по закону.

Если теперь обратиться къ современнымъ законодательствамъ и посмотрѣть, насколько содержащіяся въ нихъ нормы отвѣчаютъ сейчасъ сказанному, то нельзя не прійти къ выводамъ мало утѣшительнымъ.

Одни кодексы совсѣмъ не знаютъ ограниченія степеней родства, о которомъ идетъ рѣчь. Къ нимъ, прежде всего, должно отнести новое германское гражданское уложеніе. Законодатель тутъ принялъ за образецъ нѣкоторыя партикулярныя кодификаціи той же Германіи—прусскій ландрехтъ, саксонское уложеніе. Онъ допустилъ неограниченность круга родичей, введенную Юстиніаномъ въ худшій періодъ римскоправового творчества, въ періодъ, собственно, уже византійскій. Но онъ при этомъ забылъ не только объ единодушномъ требованіи нѣмецкаго общества, но забылъ и о томъ, что римскому же праву, въ другую, болѣе счастливую, пору его историческаго развитія, что праву преторскому были хорошо извѣстны границы круга родственниковъ, какъ законныхъ наслѣдниковъ; онъ, наконецъ, забылъ и то, что трактуемые предѣлы испоконъ вѣка и вплоть до самой рецепціи были типичны для самого германскаго права. Творцы уложенія намъ говорятъ, что они стремились укрѣпить семью, усилить семейное чувство. Какъ будто возможно къ *одной* семьѣ относить и наслѣдодателя и того, кого нѣмецкій же народъ мѣтко называетъ „веселымъ наслѣдникомъ“, „lachender Erbe“! какъ будто усиленія заслуживаетъ „семейное“ чувство, въ первый разъ пробуждающееся тогда, когда на горизонтѣ показывается наслѣдство!—Къ числу тѣхъ же печальныхъ въ изслѣдуемомъ отношеніи законодательствъ принадлежитъ и нашъ т. X. Что и тутъ исторія порою гласила иначе, что древнему русскому праву призваніе кровныхъ родственниковъ in infinitum вообще свойственно не было, что еще въ 16-омъ

вѣкѣ изъ боковыхъ призывалось только „ближнее племя“,— все это мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ.

Другія законодательства, правда, знаютъ ограниченіе степеней допускаемыхъ къ наслѣдованію родственниковъ, но оно всюду недостаточное, временами, пожалуй, лишь принципіальнаго свойства, скорѣе, теоретическое и платоническое, нежели практическое и дѣйствительное. Такъ, французскій code civil не разрѣшаетъ наслѣдовать боковымъ родственникамъ дальше 12-ой, а подражающій ему итальянскій кодексъ—дальше 10-ой степени. Шестиюродные братья въ одномъ правѣ и пятиюродные въ другомъ еще, стало быть, наслѣдуютъ. Австрійское гражданское уложеніе ограничиваетъ тотъ же кругъ линіями, парентелами или разрядами и признаетъ наслѣдниками всѣхъ родственниковъ въ предѣлахъ шести разрядовъ. Трудно себѣ представить всю массу правомѣрныхъ претендентовъ на наслѣдство по австрійскому праву. Все потомство моихъ прапрапрадѣда и прапрапрабабки идетъ въ счетъ. Тридцать два восходящихъ 5-ой степени съ сотнями лицъ, отъ нихъ происходящихъ,—всѣ они или, точнѣе, любой изъ нихъ можетъ оказаться моимъ наслѣдникомъ! Сравнительно лучше новое испанское уложеніе, не простирающее своей заботливости о боковыхъ родственникахъ дальше 6-ой степени, и, затѣмъ, проекты уложеній венгерскаго и швейцарскаго, изъ коихъ первый считается съ четырьмя, а послѣдній, главнѣйшимъ образомъ, съ тремя парентелами, по примѣру законодательства цюрихскаго кантона. Повторяю: они лучше, много лучше, однако, и они еще далеко не удовлетворительны. Но что же сказать о нашемъ русскомъ Проектѣ будущаго гражданскаго уложенія, который, въ первой редакціи, воспроизводитъ всѣ шесть разрядовъ австрійскаго уложенія, допуская ихъ къ законному наслѣдованію? Что это значитъ, мы сейчасъ видѣли. Такое возвращеніе къ началу 19-аго вѣка дѣйствуетъ прямо удручающимъ образомъ. Вспомнимъ, что прототипомъ въ данномъ отношеніи тотъ же австрійскій кодексъ послужилъ еще для „Проекта Гражданскаго Уложенія Россійской Имперіи“ 1809—1814 гг., проекта Сперанскаго, который постановляетъ: „Дальше... шестой линіи побочныхъ наслѣд-

ство не отыскивается“ (ч. II § 153). Но то было безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ. Редакторы нашего нынѣшняго проекта оправдываются въ томъ, что они не признаютъ права наслѣдованія за всѣми родственниками, всѣми безъ исключенія. Здѣсь кроется недоразумѣніе. Оправдываться или, лучше, пытаться оправдаться—хотя и безуспѣшно—нужно было, но только не въ этомъ, а въ обратномъ: въ томъ, что ограниченіе вышло фиктивное или почти фиктивное. Въ окончательной редакціи, впрочемъ, проектъ отбрасываетъ одинъ разрядъ наслѣдниковъ, но—увы!—все потомство всѣхъ шестнадцати моихъ прапрадѣдовъ и прапрабабокъ онъ попрежнему ревниво охраняетъ, какъ неприкосновенный контингентъ наслѣдниковъ.

Повторяю: въ цѣломъ картина безотрадная!

А между тѣмъ кому дѣйствительно нуженъ этотъ порядокъ вещей? и для чего онъ поддерживается? Для того ли, чтобы на наслѣдство все болѣе укоренялся взглядъ, какъ на незаслуженное, случайное, лотереѣ подобное пріобрѣтеніе? чтобы заводились агентуры по разыскиванію наслѣдниковъ и отысканію наслѣдствъ? чтобы происходили огромные, чудовищные, длящіеся десятилѣтіями процессы, въ родѣ недавнихъ процессовъ разныхъ Скирмунтовъ, Пироцкихъ и друг. у насъ въ Россіи, когда гг. повѣренные съ энергіей, достойною лучшей задачи, выбиваются изъ силъ въ своемъ стремленіи отстоять преимущественныя права своихъ вѣрителей, родственниковъ фантастическихъ степеней? Для того ли это совершается, чтобы вся нравственно неприглядная и нездоровая обстановка порождала соблазнъ, содѣйствовала деморализаціи? чтобы все болѣе расходились между собою положительное право и отправленіе правосудія, съ одной, правовое чувство, правосознаніе народа, съ другой стороны? Настаиваю: кому и чему это нужно? Очевидно, не *собственникамъ*, ибо право собственности здѣсь ровно ни при чемъ, и страхи объ его ослабленіи или колебаніи въ нашему вопросу никакого касательства не имѣютъ. *Семьѣ* нынѣшняя нормировка дѣла, мы въ этомъ могли убѣдиться, точно также не надобна—по крайней мѣрѣ, семьѣ настоящей, жизненной,

а не той семьѣ, которая исчезла давно и почти безслѣдно съ ея безвозвратно пережитыми и составомъ и функціями. Нѣтъ, въ пользу существующаго порядка не представить ничего, кромѣ одного лишь неуклоннаго и слѣпого проведенія чисто механическаго начала происхожденія и крови, при полномъ, подчеркиваю, пренебреженіи къ моментамъ и духовнымъ, и экономическимъ. Тотъ фактъ, что въ жилахъ людей можетъ быть доказана наличность одной и той же крови, пусть даже въ безконечно слабой степени, въ любомъ, такъ сказать, разжиженіи,—этотъ фактъ все перевѣшиваетъ. Гомеопатическая доза общей крови призвана замѣнить ближайшую родственную связь двухъ людей, дѣлившихъ другъ съ другомъ и радости и печали. Для меня ясно, что такое право наслѣдованія, въ роли лишеннаго смысла pretium sanguinis, грубо погрѣшаетъ противъ своей современной природы и задачи и тѣмъ самымъ порождаетъ и укрѣпляетъ сомнѣніе въ своей обоснованности, куетъ оружіе противъ самого же себя.

Все это непредвзятому наблюдателю должно казаться дотого простымъ и понятнымъ, что мнѣ сейчасъ почти совѣстно было развивать свою мысль. Но къ тому вынуждаетъ рядъ обстоятельствъ: и констатированное нами неудовлетворительное состояніе положительнаго закона, и безусловно недостаточные, чрезмѣрно робкіе шаги, задуманные въ упоминавшихся проектахъ, и тотъ, напримѣръ, фактъ, что во французской палатѣ депутатовъ въ послѣдніе годы было сдѣлано около двухъ десятковъ предложеній, клонившихся къ измѣненію уже знакомой намъ статьи (755) code'a, допускающей законное наслѣдованіе до 12-ой степени включительно. Изъ этихъ предложеній, весьма разнообразныхъ, нерѣдко болѣе чѣмъ скромныхъ, ни одно пока не увѣнчалось успѣхомъ. Не могу умолчать и о томъ, что имя писателямъ, требовавшимъ защищаемой мною реформы,—легіонъ, что, начиная Іереміей Бентамомъ и основателемъ исторической школы въ правовѣдѣніи, Густавомъ Гуго, черезъ весь 19-ый вѣкъ тянется длинный рядъ протестовъ противъ безграничности наслѣдованія по закону. Среди протестантовъ, отмѣтимъ и это, можно бы назвать немало лицъ съ направленіемъ, несомнѣнно,

консервативнымъ, лицъ, безспорно, стоящихъ на почвѣ нашего современнаго капиталистическаго хозяйства. Къ законодателю взывали и понынѣ взываютъ во имя мирнаго развитія соціальныхъ отношеній, во имя соціальной солидарности. Указываютъ не только обѣщаемую реформой матеріальную выгоду—пріобрѣтеніе государствомъ или общиною въ свое распоряженіе свободныхъ милліоновъ. Нѣтъ, выдвигаютъ тотъ, на мой взглядъ, несравненно болѣе важный доводъ, что проповѣдуемое нововведеніе способно оздоровить гражданско-правовую атмосферу и стать, такимъ образомъ, реформою нравственной („une véritable réforme morale", говорятъ французы [1]); что, разсуждая цивильнополитически, гораздо правильнѣе „напоминать наслѣдодателю объ его связи съ государствомъ, городомъ и т. п. и съ общими цѣлями культуры, чѣмъ навязывать ему, въ лицѣ отдаленнаго родственника, случайнаго и безразличнаго наслѣдника" [2]).

Сила этихъ соображеній до сихъ поръ не побѣдила... И тѣмъ не менѣе, при всей скорби, я не прихожу въ уныніе, не теряю надежды на близкое осуществленіе и даннаго правового и нравственнаго постулата. Припоминаю, что и другой реформѣ, весьма близкой къ обсуждаемой,—введенію налога съ наслѣдства, пришлось выдержать упорную борьбу, что противъ нея весьма рѣшительно высказывались величайшіе авторитеты экономической и финансовой науки, что еще не такъ давно въ законодательныхъ учрежденіяхъ налогъ отвергался, какъ „порожденный лживыми ученіями столѣтія" [3]). Излишне прибавлять, что нынѣ вопросъ серьезно ставится только о томъ, не расширить ли данный налогъ, уже и теперь широко распространенный, на каковой вопросъ и правительства въ настоящее время, кажется, болѣе чѣмъ склонны отвѣтить утвердительно. Далѣе. Давно ли съ упорствомъ отклонялось требованіе отмѣны такъ называемаго личнаго задержанія за долги, другими словами, требованіе отмѣны лише-

---

[1]) См., напримѣръ, Bigallet, De l'hérédité collatérale, стр. 49.
[2]) Petrażycki, Die Lehre vom Einkommen II, стр. 490.
[3]) См. Львова, Налогъ съ наслѣдства I, стр. 8.

нія свободы за неисполненіе чисто гражданскоправовыхъ обязательствъ? Въ русской литературѣ еще надняхъ вспоминалось по этому поводу, какъ небезъизвѣстный французскій юристъ Тролонъ, защищая старый порядокъ, пугалъ тѣмъ, что новый, т. е. отмѣна задержанія за долги, означаетъ возвращеніе къ идолопоклонству. „Будемъ остерегаться", писалъ онъ, „вторичнаго обожествленія человѣка, дѣлая его жизнь и свободу столь же священными, какъ жизнь и свободу какого-то божества. Языческое идолопоклонство было плодомъ невѣжества, новое же явится результатомъ необузданнаго высокомѣрія, окрашеннаго въ фальшивые цвѣта философіи и гуманности" [1]). И что́ же? развѣ не въ той же Франціи наступила въ 1867 году окончательная и совершенная отмѣна личнаго задержанія за долги по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и торговымъ?! И т. д. и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно бы еще указать много, но едва ли это нужно. И приведенныхъ достаточно для иллюстраціи того, можно сказать, труизма, что не разъ положенія, которыя въ извѣстное время считались несообразными, въ болѣе поздній и зрѣлый періодъ получали признаніе, какъ вполнѣ разумныя требованія законодательной политики. Эта элементарнѣйшая истина, естественно, находитъ примѣненіе и въ гражданскомъ и, въ частности, наслѣдственномъ правѣ. Ибо ни гражданское право вообще, ни, въ отдѣльности, право наслѣдованія не должны и не могутъ представлять изъ себя инертную, застывшую массу. „Нѣкогда", учитъ французскій цивилистъ Лоранъ, „страшились всякой перемѣны въ законахъ. Въ этомъ, конечно, заключается заблужденіе старины. Разъ жизнь идетъ впередъ, какъ же допустить неизмѣнность права, которое, вѣдь, не иное что, какъ выраженіе той же жизни?" [2]). Юридическіе институты—такъ приблизительно говоритъ нѣмецкій романистъ Баронъ—принимаются нами не потому только, что они намъ завѣщаны, но и потому, что мы убѣждены въ ихъ

---

[1]) См. Гасмана въ Ж. М. Ю. 1906, кн. 6 стр. 1.

[2]) Laurent, Principes de droit civil français V⁴ n° 529.

правильности. Намъ нужны институты, которые управляли бы нами не внѣшней, формальной своей обязательностью, а силою внутренней лежащей въ нихъ идеи, институты, которые способны дать удовлетвореніе нашей мысли, влить миръ и покой въ наши души [1]). Вы согласитесь, гг., что съ этими положеніями, очевидно, никакъ не мирилась бы неподвижность и своего рода омертвѣлость нашего частноправового организма....

Я, собственно, кончилъ. Къ сказанному мнѣ бы хотѣлось только прибавить пару словъ. Въ началѣ своей бесѣды я старался доказать свое право на посвященіе ея вопросу о наслѣдованіи. Мнѣ думалось, что нѣтъ необходимости вести рѣчь во вступительной лекціи непремѣнно объ опредѣленіи и задачахъ данной науки, объ ея методахъ и пріемахъ. Но возможно, что я ошибся. Не желая подчиниться— какъ мнѣ казалось, шаблону, я, пожалуй, нарушилъ традицію, почтенную традицію. На этотъ случай да будетъ мнѣ позволено упомянуть объ одномъ смягчающемъ мою вину обстоятельствѣ. О содержаніи науки гражданскаго права и ея методахъ, я, правда, не говорилъ сегодня, а тѣмъ не менѣе надѣюсь, что именно съ этой точки зрѣнія моя лекція не совсѣмъ была безполезна. Она могла уяснить, что мы, цивилисты, вопреки нѣкоторому все еще существующему на этотъ счетъ мнѣнію,—далеко не всегда казуисты и даже не всегда заняты однимъ только конструированіемъ; что гражданское правовѣдѣніе отнюдь не исчерпывается догматикой, и, далѣе, что наука гражданскаго права находится въ тѣснѣйшей связи и живомъ взаимодѣйствіи не только съ исторіей и исторіей права, но и съ философіей, науками экономическими и политическими. Въ укрѣпленіи и углубленіи этой связи я и вижу залогъ успѣха, усматриваю важнѣйшее средство вывести гражданское право и цивилистику на широкій и свѣтлый путь всесторонняго, жизненнаго развитія и плодотворнаго служенія человѣку и обществу.

---

[1]) J. Baron, Angriffe auf das Erbrecht, стр. 31.

8-15